

ОБРАЗ МЕЧТАТЕЛЯ В РАННЕЙ ПОЭЗИИ В. Я. БРЮСОВА

Субъектная организация ранних стихотворений В.Я. Брюсова (1892-1897 гг.) имеет достаточно разветвлённую структуру, в которой «я» поэта, определяемое нами как лирический субъект, представлено в четырёх ипостасях: мечтатель, влюблённый человек, странник и женщина (лирическая маска)¹.

Мечта как определяющая категория лирического субъекта является не только семантическим центром нескольких стихотворений, но и заявлена в названии циклов первого сборника: «Первые мечты» и «Новые грёзы». Именно в первый период творчества она становится одной из ведущих, наряду с темой любви и странничества. Впоследствии в лирике поэта эта тема трансформируется и занимает всё меньше места, оставаясь сквозной для воспоминаний и поздних произведений.

Каждое из стихотворных текстов, где заявлен мечтатель, пронизывают несколько мотивов: вынужденное одиночество, тоска и постепенная потеря мечты. Основу исследуемого нами поэтического текста составляет вынужденное пребывание мечтателя во вселенной, которая живёт по своим законам. Главная особенность пространства – его полярность:

Беспощадною орбитой
Увлечён от прежних грёз,
Я за бездною открытой
Вижу солнечный хаос
[Брюсов. 1973, 1: 42]

Первый полюс составляет бездна, в которой вынужден пребывать мечтатель, а второй – солнечный хаос, пространство грёз. Лирический субъект находится внутри бездны, поэтому он не может действовать, а способен лишь созерцать. Таким образом, определяется ключевая оппозиция стихотворения, связанная с локусами (здесь – там):

Там творений колебанье,
Вдохновенная вражда;

¹ В раннем творчестве Брюсова мечтатель зависит от мечты и в большей степени принадлежит ей. Он ещё не творец мечты, как в исследовании И.Г. Кулешовой, а всего лишь одинокий мечтатель, зависящий от внешних обстоятельств [Кулешова, 2007: 7]

Здесь холодное молчанье,

Незнакомая звезда

[Брюсов. 1973, 1: 42].

Там – жизнь, об этом свидетельствует отглагольное существительные *колебанье* и *творения* (в нем ещё и корневая семантика творчества), но мечтатель находится здесь – в пространстве бездны, где возможно лишь бездейственное молчание. Он не только ничтожно мал, по сравнению с мирозданием, но и жизнь его в этом пространстве подобна комете, несущейся в неизвестность:

И, горящею кометой

На безжизненном пути,

Я шепчу слова привета

Как последнее прости.

[Брюсов. 1973, 1: 42]

Мечтатель теряет ощущение времени и его границ: слова привета и прощания звучат одинаково.

Граница как категория, присущая времени и пространству, является одним из ключевых понятий в исследуемых стихотворениях Брюсова. Именно она, согласно концепции Е. Фарино, в неоднородном пространстве и времени получает существенную смысловую нагрузку. Граница может воздвигаться изнутри и снаружи, может быть проницаемой или непроницаемой. Её особенность состоит в том, что каждая её точка принадлежит одновременно двум разделяемым сферам. Пребывание на границе носит характер амбивалентного состояния [Фарино, 2004: 376] Об этом в исследовании Н.Г. Матвеевской: предельность как черта лирического героя Брюсова и его постоянное стремление к беспредельности [Матвеевская, 2009]. В нашем исследовании амбивалентность мечтателя состоит в его желании действовать и одновременно понимании невозможности этого.

Описывая одно из неоднородных пространств, создающих для героя ситуацию ограничения – онейрическое пространство, Матвеевская подчеркивает, что оно получает вид сновидений («После грёз», «Посв.***»), то мечтаний («Беспощадною орбитой...»), миражей («В магическом саду»), галлюцинаций, вызванных воображением или особым состоянием героя – утомлённостью («...И, покинув людей, я ушёл в тишину...»), дремотностью («В вертепе»), разного вида расстройств («Последние слова»). При этом наиболее частая мотивировка «сообщаемости» с реальностью возлагается на особое состояние героя: сон, бред, погружение в мечтания и т.д.: они позволяют размыть границу между реальностью и этими фиктивными мирами. [Фарино, 2004: 377]. Непременным составляющим всего этого является мечтатель: оба мира обрисованы в его оптике, и при этом он сам видит их одновременно, как, напр., в первом стихотворении «Я за бездною открытой / Вижу

солнечный хаос». Он, является той «точкой границы, которая одновременно принадлежит двум разделяемым сферам» [Фарино, 2004: 377]. Сам Брюсов позднее в одном из стихотворений дал ему особое определение – междумирок. [Брюсов, 1973, III: 215]. Таким образом, для мечтателя характерны вынужденное одиночество (в это он схож со странником), невозможность противостоять окружающим обстоятельствам и возникшее в связи с этим ощущение несвободы.

Одна из ключевых категорий стихотворения – грёзы. Для анализа и интерпретации особенностей лирического субъекта существенно различие грёз и мечты. «Грёзы» и «мечты» являются синонимами в одном из значений: это создание воображения, мысленный образ чего-либо желаемого; во втором своём значении грёзы являются одной из форм сна: сновидения, фантастические видения в бредовом состоянии [Словарь СРЛЯ, 1957, IV: 342] Таким образом, все три категории пересекаются в своих значениях и могут, так или иначе, заменять друг друга. Однако, с точки зрения психологии, они различимы².

В исследуемом поэтическом тексте «грёзы» как синоним «мечты»³. Определение «прежние» указывает на взросление мечтателя.

Личное местоимение я как форма выражения образа мечтателя в этом стихотворении используется всего два раза. Но, тем не менее, оно играет структурно-организующую роль в композиции. В трех строфах, из которых состоит поэтический текст, личное местоимение употребляется в 1-ой и 3-ей, причем на одном и том же месте – в начале 3-го стиха. Такая особенность наряду с однотипностью синтаксических конструкций придает композиции с одной стороны целостность, а с другой – цикличность, похожую на траекторию движения планет во вселенной, что весьма содержательно: одинокий мечтатель уподоблен горячей комете. Таким образом, 1-ая и 3-я строфы организованы образом мечтателя, в то время как 2-ая строфа представляет собой то, что он созерцает.

В целом исследованные текстовые особенности позволяют говорить о том, что лирический субъект Брюсова раннего периода его

² В структуре психики человеческой личности выделяется одна из составляющих её категорий – воображение, напрямую связанная с процессом творчества. Особыми видами воображения и являются анализируемые состояниями. Р.С. Немов разграничивает их так: а) сновидения – пассивная и произвольная форма воображения. Очень часто в сновидениях человека находят выражение и удовлетворение многие жизненно важные потребности, которые в силу ряда причин не могут получить реализации в жизни; б) грёзы – психическое состояние, связанное с желанием, чаще всего несколько идеализируемым будущим; в) мечты – область фантазии, более реалистичная и в большей степени связанная с действительностью, чем грёзы [Немов,].

³ См. у Р.С. Немова: «...грёзы занимают у человека большую часть времени, особенно в юности», что соотносимо с периодом творчества и возрастом Брюсова. [Немов, 1999, 1: 265].

творчества – не просто формальный знак авторского присутствия в поэтическом тексте, а своего рода сознательная субстанция, которая, обладая специфическими особенностями (вынужденное одиночество, несвобода), находится в состоянии развития.

Библиографический список

1. Брюсов В. Я. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. / В. Я. Брюсов. – М.: Художественная литература, 1973. – 672 с.
2. Кулешова И. Г. Художественное бытие в лирике Бальмонта и Брюсова: автореферат дис. канд. филол. наук / И. Г. Кулешова. – Магнитогорск, 2007. – 20 с.
3. Матвеевская, Н.Г. Антиномия «пределов» и «беспредельности» в лирике В. Брюсова (к. вопросу о структуре образа лирического субъекта / Н.Г. Матвеевская // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. – Н.Новгород: НГУ, 2009. – С. 255-259.
4. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.; Л.: Наука, 1954-1965.
5. Фарино, Е. Введение в литературоведение: учебное пособие / Е. Фарино. – СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2004.– 639 с.